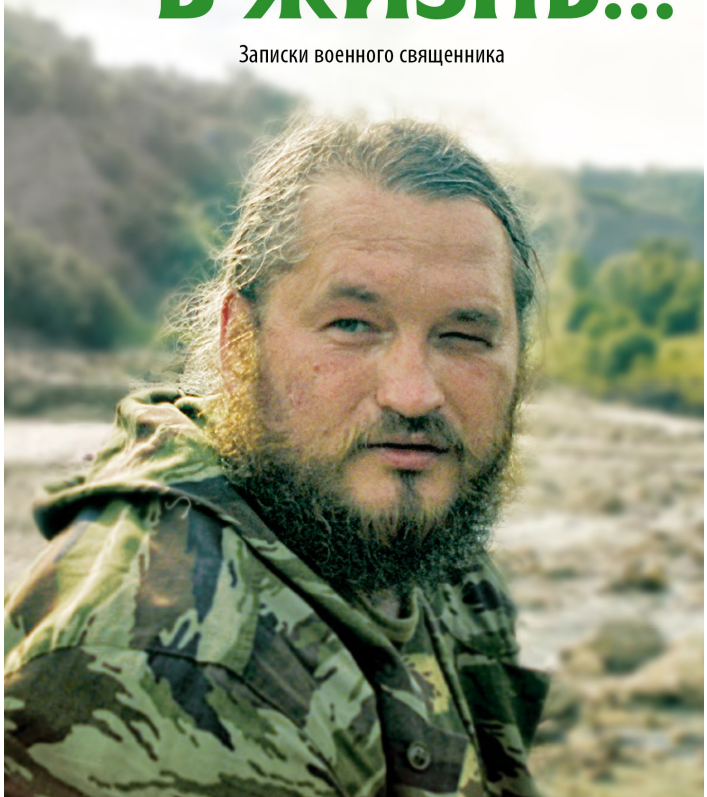
Свидетельства воинов
о помощи Божьей
на войне

СЕРГЕЙ ГАЛИЦКИЙ

ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ...

Записки военного священника



Сергей Геннадьевич Галицкий
Из смерти в жизнь… Записки военного священника

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32543136
Из смерти в жизнь.Записки военного священника: 2017
ISBN 978-5-4380-0175-1, 978-5-4380-0178-2

Аннотация

Третья часть книги «Из смерти в жизнь…» создана Сергеем Галицким на основе бесед с военным священником Димитрием Василенковым. Он совершил более 20 командировок на Северный Кавказ, крестил там более 900 военнослужащих и сотрудников различных силовых структур. 29 июня 2009 года отец Димитрий в бою был ранен. Награждён орденом Мужества и орденом Дружбы. Книга адресована представителям военного духовенства РПЦ и широкому кругу читателей, которые интересуются современными военными конфликтами.

Содержание

От автора 5
Когда вокруг идёт бой… 6
Засада 7
Принуждение Грузии к миру 17
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Галицкий Сергей Геннадьевич
Из смерти в жизнь. Записки военного священника

© С.Г. Галицкий. 2017

От автора

Военным священникам России, скончавшимся от ран и болезней, погибшим на поле боя, замученным в плену, посвящается…

Дело было в конце июня 2009 года. Вместе с колонной спецназа протоиерей Димитрий Василенков, будучи в Чечне, попал в засаду. Связи нет. Вокруг рвутся гранаты и свистят пули. Неизвестно было, сколько здесь боевиков и когда придёт помощь… А ведь если подумать, чем священник может помочь бойцам в бою, если он, по каноническим церковным правилам, не имеет права стрелять?.. Но, как выяснилось, он может значительно больше, чем просто снаряжать магазины патронами и перевязывать раненых. Он может благословить бойцов и молить Бога о помощи! В этой книге протоиерей Димитрий Василенков рассказывает от первого лица о бое под Элистанжи и других событиях своей военной судьбы…

Сергей Галицкий

Когда вокруг идёт бой…

Рассказывает протоиерей Димитрий Василенков:

Мне дважды довелось побывать в зоне, где интенсивно велись реальные боевые действия. Первый раз – в августе 2008 года, в Южной Осетии во время грузино-осетинского военного конфликта. А второй раз – в колонне внутренних войск. Тогда я попал в засаду боевиков. Это произошло в Чечне под селом Элистанжи в конце июня 2009 года. Этот случай я и расскажу сначала, потому что в этом бою я участвовал лично.

Засада

В начале лета 2009 года, по поручению Синодального отдела по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными учреждениями, мне предстояла плановая командировка в Чечню. Обычно мы ездим на Кавказ два раза в год: осенью-зимой и весной-летом. Со мной был мой хороший друг и добровольный телохранитель, сотрудник военного отдела Санкт-Петербургской епархии Александр Рогожин.

В Ханкалу мы прилетели 25 июня 2009 года. Разместились в одном из отрядов армейского спецназа. Там встретили много старых знакомых. Они мне рассказали, что оперативная обстановка в Чечне сложная, и, похоже, дальше будет ещё хуже. Для меня начались священнические будни: прежде всего это многочасовые беседы с солдатами и офицерами.

Почти сразу мы побывали в Грозном. Выглядел он вполне презентабельно, практически не осталось разрушенных домов: здания или отстроены заново, или зашиты по фасадам.

Работали мы по заранее намеченному плану, как обычно, по согласованию с командованием Группировки. В плане указано, кто, куда и когда едет, кто отвечает за транспорт, кто – за охрану. Нам надо было объехать несколько подразделений в Веденском районе.

Первая дальняя поездка намечалась в посёлок Элистанжи. А как раз в это время из Элистанжи в Ханкалу прибыла небольшая колонна (бронированные «уазик» и «газель») из отряда спецназа внутренних войск «Меркурий».

Мы были у разведчиков Группировки, когда вошёл командир «Меркурия» и с ним майор Руслан Горбунов. Командир отряда остался в Ханкале по каким-то своим делам, а Руслан повёл колонну обратно. Вообще-то я не большой любитель передвигаться по Чечне в составе колонн. Намного удобней ездить с оперативниками ФСБ: легковой машине всегда проскочить легче, чем греметь тяжёлой бронёй. Но тут образовалась оказия, и нас отправили в Элистанжи с этой колонной.

Накануне этой поездки в воскресенье 28 июня мы с отцом Аркадием (Мамаем), бывшим тогда настоятелем храма святого благоверного князя Димитрия Донского в Ханкале, отслужили литургию и молебен, причастились святых Христовых Тайн.

На следующий день перед выездом мы с Сашей помолились. Я благословил дорогу. До места добираться часа два. Мы с Сашей сели в «газель». Старшим нашей машины был молодой старший лейтенант Юрий Мигурский. Впереди в «уазике» разместился майор с двумя солдатами. Всего в двух машинах нас было девять человек.

Когда мы тронулись в путь, я завёл с солдатами разговор. Это были молодые контрактники лет по двадцать, почти

мальчишки. Тут как раз мы проехали село. На его улицах не было ни души. Я помню, что, по рассказам людей бывалых, это очень нехороший признак: если на улицах никого нет и село словно вымерло, то дальше могут начаться неприятности. Ребята восприняли мои слова совершенно серьёзно: все стали смотреть по сторонам внимательней.

Было у меня что-то вроде предчувствия беды. Но так как перед каждой поездкой в нехорошее место в душе почти всегда поднималась тревога, и в этот раз я отнёсся к этому как к чему-то привычному. Ехать-то всё равно надо…

После долгого и нудного петляния по предгорьям и горам мы выехали на прямой участок дороги со стороны ручья (Элистанжи). Дорога там гравийная, и камни постоянно стучат по днищу машины: дынь-дынь-дынь… И вдруг я обратил внимание, что стук пошёл почему-то со всех сторон и неожиданно зачастил, как будто посыпался горох. А когда уже полетели и искры, стало ясно, что по нам стреляют. И не просто стреляют, а попадают в машину…

По инструкции, при начале обстрела надо увеличивать скорость и продолжать движение. Но наша «газель» вильнула и остановилась у обочины. Только через несколько минут стало ясно почему: наш водитель объехал подбитый только что «уазик» и тормознул на обочине метрах в двадцати от него. Тем самым он избежал опасности превратить обе машины в одну общую мишень.

Мгновенно мы все высыпались из машины и прыгнули

в кювет. Я сразу стал молиться: «Господи, спаси и укрепи ребят! Пресвятая Богородица, защити! Святые благоверные князья Александр Невский и Димитрий Донской, помогите!».

Огляделись: оказалось, что «уазик» выведен из строя, ехать не может. И тут можно с уверенностью говорить о чуде Божием: боевики сделали по «уазику» и «газели» три выстрела из гранатомёта (потом эти три пустые тубуса от гранатомётов РПГ-26 были найдены в кустах). Но, хотя боевики стреляли с пятидесяти метров, все три гранаты пролетели мимо нас!.. Если бы они попали точно в «уазик» или «газель», то внутри в живых вряд ли бы кто-то остался.

Но эта военная удача почти тут же сменилась трагедией: на простреливаемом пространстве между «газелью» и «уазиком» я увидел лежащего на спине майора Руслана Горбунова с пистолетом в руке. По положению его тела, по тому, как он лежал, стало ясно, что он либо очень тяжело ранен, либо убит. Упал он посредине дороги, где так до конца боя и пролежал на открытом месте. Вытащить его было невозможно: место на дороге, где он упал, простреливалось. Ранения у Руслана оказались тяжёлые: он был смертельно ранен в спину и ещё и в левое плечо. Уже потом, в госпитале, врачи увидели у него на спине маленькое входное отверстие от пули, которое на груди превратилось уже в большую рану. Он был без бронежилета… После прибытия в госпиталь Руслан почти сразу скончался. Он погиб как герой: в бою с

оружием в руках.

Когда мы выкатились из машины в кювет, мне запомнилось внутреннее ощущение нереальности происходящего. Свистят пули, с резким звуком попадают в борта «газели»… Но страха почему-то у меня не было. Я ещё успел в самом начале бойцам сказать: «Ребята, Господь с нами! Надо отбиваться!». Думаю, Господь нас укрепил. Стрелять почти мгновенно начали абсолютно все. Причём цели они видели, ведь до боевиков было всего метров восемьдесят. И ещё мы «духов» хорошо слышали – они очень громко орали: «Аллах акбар!».

Я со своего мобильного телефона звоню в штаб Группировки и сообщаю: «Мы попали в засаду, ведём бой!». Обрисовал им обстановку, как видел её из канавы. Через пару минут мне перезвонили, что-то уточнили. В Группировке пошла работа по оказанию нам помощи.

Потом бойцы долго вспоминали, что с самого начал боя я запрещал им ругаться матом. Причём костерил я их за это очень громко и непрерывно: «Не материтесь, иначе промахнётесь!». Мне как священнику стрелять нельзя, поэтому я крикнул: «Все магазины и патроны бросайте мне!». Ребята мне целую кучу магазинов накидали. Я сидел и, как автомат, набивал в магазины патроны.

Тут и Саша Рогожин вспомнил свою десантную молодость (он срочную службу служил в Гарболовской бригаде ВДВ). Надел чью-то каску, выскочил с РПГ-26 (реактивная про-

тивотанковая граната – Ред.) на открытое простреливаемое пространство и выстрелил в сторону леса, откуда по нам вели огонь. И почти сразу оттуда прилетела граната от подствольника. Слева от меня – взрыв!.. Оборачиваюсь и вижу – у солдатика, который рядом со мной был, всё лицо в крови! Тут я и у себя на плече дырку заметил – кровь течёт. Пошевелил пальцами – рука вроде нормально работает. Саша Рогожин с бойцами перевязал раненого в лицо и моё плечо заодно, несмотря на мои протесты. Я в горячке почему-то решил, что у меня просто царапина.

Продолжаю набивать патронами магазины и раздавать их ребятам. И тут заметил, что чаще всего мне приходится снаряжать магазины для снайперской винтовки ВСС. Смотрю: а парнишка из этой винтовки бьёт очередями – магазин за магазином… Я ему: «Ты чего из винтовки, как из пулемёта строчишь? Ты же снайпер! Чему тебя учили?!. Ищи цель!». Прочитал ему такую лекцию короткую. Парень успокоился и начал стрелять уже осознанно.

С тыла нас прикрывал небольшой пригорок. Но стрельбы с этого направления мы не замечали. Особенно меня почему-то беспокоила возможность обхода. Мне казалось, что нас могут обойти сбоку. Я крикнул: «Ребята, смотрите, чтобы нас не обошли с флангов!». И это подействовало, солдаты действительно стали смотреть в эту сторону.

Я думаю, что план у боевиков был такой: тремя выстрелами из гранатомётов они останавливают машины, а выстре-

лом снайпера из крупнокалиберной винтовки убивают командира. (Входное отверстие от пули калибра 12,7 мм на обшивке «газели» было как раз напротив командирского места, где сидел я. Это настоящее чудо Божие, что пуля оставила в металле брони «газели» всего лишь глубокую выемку, а броня выдержала и только дала трещины с внутренней стороны. Обычно такая пуля пробивает бронированную «газель» навылет. Стрелял снайпер, как потом показало расследование, примерно метров с восьмисот). После этого боевики обстреливают подбитые машины и идут добивать оставшихся.

Но получилось иначе. Во-первых, гранаты пролетели мимо. Пуля калибра 12,7 мм броню «газели» не пробила. В результате практически все успели выскочить из машин, заняли оборону и открыли ответный огонь. Идти боевикам по открытому месту к машинам уже не было смысла. Они же не самоубийцы, чтобы идти в атаку по открытой местности при такой плотности ответного огня. Короче говоря, фактор внезапности у них не сработал, засада не удалась. А когда завязалась перестрелка, шансы наши с ними уравнялись.

Бой шёл уже где-то около получаса, когда подошла бронегруппа из Элистанжи. Но боевики продолжили воевать уже с бронегруппой, один наш офицер был даже ранен! Но тут уже силы были точно неравные не в их пользу (крупнокалиберные пулемёты БТРов – это не шутка). И через несколько минут огонь из кустов прекратился. Боевики отошли. Вско-

ре после этого появилась местная чеченская милиция.

Почти все ранения бойцы получили в первые минуты боя. В самом начале боя двое солдат и я были ранены относительно легко, а майор Горбунов получил смертельное ранение и умер потом при мне прямо на операционном столе.

Раненых солдат и меня с ними «вертушками» перебросили в госпиталь в аэропорт Северный под Грозным. Здесь мою рану на плече врачи осмотрели уже внимательно – кость оказалась не задета. Рану на руке обработали, перевязали. Ещё оказалось, что другой осколок чиркнул меня по правой щеке прямо под глазом. Но это уж точно была царапина. Командировку мне прерывать очень не хотелось. Спрашиваю докторов: «А можно без госпитализации?». Отвечают: «В принципе можно… Надо только регулярные перевязки делать». Услышав это, я из госпиталя и уехал: позвонил в Ханкалу разведчикам, и они за мной в госпиталь прислали машину.

После этого ещё три недели я с Сашей ездил по подразделениям. За это время крестил тридцать солдат и офицеров.

Хотя в каждом подразделении, где мы бывали, местные медики рану на руке мне обрабатывали и перевязывали, нельзя сказать, чтобы она заживала у меня быстро. Ведь мы постоянно ездили по грязи. Но я нисколько не жалею, что отказался лечь в госпиталь. Так что мы полностью выполнили всё, что намечали, и сделали то, что должны были сделать. И это главное.

Трудно утверждать определённо, но я думаю, что боеви-

ки охотились именно за этими двумя машинами. Во-первых, они видели, как утром «уазик» и «газель» уехали из расположения отряда. Значит, по логике, они должны будут возвращаться. Возможно и то, что у них была информация о том, что в одной из машин ехал командир отряда, который должен был вернуться. Может быть, они что-то узнали про нашу с Сашей поездку…

Потом мне рассказали о результатах расследования. В засаде было около пятнадцати боевиков в одном месте и человек шесть-семь в другом. Снайпер стрелял сверху из крупнокалиберной винтовки калибра 12,7 мм с расстояния метров семьсот-восемьсот. О потерях боевиков точно ничего не известно, на месте самой засады следов крови не нашли. Зато на пути отхода боевиков были обнаружены фрагменты окровавленного обмундирования. Но было замечено, что в этот же день в Элистанжи, по странному стечению обстоятельств, как отметили оперативники, хоронили двух молодых парней, якобы разбившихся на машине…

По опыту, не всегда подобные засады заканчивались так, как у нас. После нас подразделение местной милиции попало примерно в такую же ситуацию. Граната от гранатомёта влетела внутрь машины и разорвалась. В результате уже в первые минуты боя погибли восемь человек. Но мы помолились перед выездом, молились и во время боя. Думаю, поэтому всё пошло совсем по-другому: у боевиков ни одна их задумка не сработала. Это и есть проявление Божиего благослове-

ния на то дело, которое мы делаем.

Я сам видел, как достойно в бою повели себя наши молодые солдаты и офицеры. Не было ни одного, кто бы не справился с собой, растерялся или струсил. Воевали все до единого. И это при том, что для них для всех это был первый бой. Лично я считаю, что мы одержали главную моральную победу над врагами тем, что им не удалось сорвать наши планы.

Через два дня на вертушке я прилетел в расположение отряда спецназа «Меркурий» в Элистанжи, куда мы и ехали 29 июня. Саша Рогожин дожидался меня там. И вот что интересно: Саша мне рассказал, что почти сразу после боя все иконки и крестики, которые у него были с собой, бойцы разобрали буквально за считаные минуты. А я, когда прилетел, покрестил восемь человек. Получилось главное: врагу не удалось нас остановить, и мы сделали то, что и должны были сделать.

Во время самого боя я, как это ни странно звучит, ощутил состояние мира в душе. Не было никакого борения, никаких терзаний душевных, а присутствовала уверенность, что с Божией помощью мы обязательно отобьёмся. И ещё у меня было твёрдое ощущение, что я делаю именно то, что я обязательно должен был сделать.

Принуждение Грузии к миру

Теперь о другом, более раннем, случае, когда я оказался в зоне активных боевых действий. Это было в Южной Осетии в 2008 году. Начиналось всё так: в августе я находился в коротком отпуске у родственников в Белоруссии. О начале войны узнал, как и многие, из телевизионных новостей 8 августа. Ощущение было двоякое. Была, конечно, и горечь, что опять пролилась кровь. Но хорошо помню, как возникло в сердце и тревожное чувство: как на это ответит Россия? Ведь за последние двадцать лет мы так привыкли к плевкам, к тому, что нас постоянно унижают, и давно уже все, кому не лень, вытирают о нас ноги.

Именно тогда я чётко понял: если мы сейчас не ответим на агрессию, то это будет для страны началом большого конца. Это будет развалом уже не Советского Союза, а теперь уже самой России. Зная кавказский менталитет, уверенно могу сказать: если бы мы сдали Южную Осетию и Абхазию, то Кавказ рухнул бы весь. Следующие бои мы тогда вели бы уже где-нибудь в районе Владикавказа и Нальчика.

На Кавказе не прощают слабости и трусости. Те общеизвестные кадры, где запечатлено бегство президента Грузии от летящих самолётов, обрушили его рейтинг в глазах не только кавказских мужчин, но и женщин до абсолютного нуля. Его трусость – это невероятное унижение для кавказских

народов. Ведь на Кавказе мужчина прежде всего воин. Так сложилось исторически. Здесь на очень небольшой территории собрано вместе огромное количество разных народов. И каждый клочок земли приходилось отстаивать дорогой ценой, ценой собственной крови.

Так что, если бы в августе 2008 года мы дали бы втянуть себя в затяжные переговоры, а вместо решительных действий стали бы дипломатически расшаркиваться, то народы Кавказа просто окончательно потеряли бы веру в Россию. А страшнее этого ничего нет. И наши настоящие противники на Кавказе – англичане и американцы – обязательно этим бы воспользовались. Да именно на это они и рассчитывали!.. А трезво оценивая их финансовые возможности, понятно, что цели своей они почти наверняка добились бы – превратить Кавказ во вторые Балканы со всеми вытекающими последствиями и для нас, и для Кавказа.

Со своей семьёй я срочно вернулся из Белоруссии в Санкт-Петербург. По наработанной схеме, благодаря которой мы официально ездим на Кавказ в наши воинские подразделения, я достаточно быстро решил все организационные вопросы. Через несколько дней после начала боевых действий мы прилетели почтовиком Министерства обороны в Беслан, а оттуда с нашими вертолётчиками – в Джаву. Впечатление было примерно такое, как будто мы приземлились в Ханкале: огромное количество боевой техники, люди суетятся, вертолёты взлетают, вертолёты садятся…

Россия – вроде бы очень большая страна, но в Джаве мы встретили те же самые лица, что постоянно видели в Ханкале. Там нам организовали необычную экскурсию: показали трофейные американские джипы, другие машины. Запомнились мне трофейная американская техника, набитая военными шмотками, и дегустация американских сухпайков, приготовленных с учётом особенностей грузинской кухни, с лавашом. Но все это для грузин оказалось бесполезно…

Сразу началась и наша работа: освятили вертолётчикам технику. Но наша группа военного отдела специализируется на духовном окормлении бойцов спецподразделений самых разных силовых структур. Прежде всего в Осетии мы стремились увидеть разведчиков армейского спецназа. Наши земляки из Пскова были уже на месте, где тоже мы увидели знакомые по Чечне лица. В этом же месте стояли и те отряды спецназа, которые непосредственно участвовали в боевых действиях. Побеседовали с солдатами и офицерами и тут же организовали крещение желающих в миротворческом городке. Тогда мы крестили около двадцати человек.

Из Джавы в Цхинвал я ездил несколько раз: и с местными ополченцами на легковой машине, и с нашими военными на бронетехнике. Пришлось проезжать грузинские сёла, стёртые осетинами с лица земли, как будто авиация ковровой бомбардировкой всё с землей сровняла. (По дороге к Цхинвалу тогда невольно подумалось: начинают войны мерзавцы, а расхлёбывают невинные люди.)

Вообще приходили на ум кадры из фильмов про Великую Отечественную. Вдоль дороги техника сгоревшая стоит, тряпки со следами крови на земле валяются, хотя трупов людей здесь нет. Видимо, уже успели убрать. Горько это осознавать, особенно когда вспоминаешь, что грузины-то – православные. А то, что грузины нам не чужие, видно было по тому, как наши десантники относились к мирному населению. Их жалели. Никто их как врагов не воспринимал, а наоборот, помогали, как могли. Врачи военные грузин лечили, по вызовам к больным выезжали.

Движение на дорогах было очень плотное: одни наши колонны идут туда, другие – уже обратно. Пробки постоянные. У какого-то села мы встретили генерала, который пытался всех на дороге построить. Генерал остановил наш «уазик», буквально вытащил из него офицера армейского спецназа, который меня сопровождал, и потребовал, чтобы тот помог ему навести порядок на дороге. Генерал своим генеральским голосом громко скомандовал: «Внимание! Со мной – командир отряда спецназа Главного разведывательного управления!». У офицера того сразу плечи расправились, грудь богатырская поднялась. Вот так его в одну секунду произвели в командиры отряда! Покомандовал он, правда, недолго. Порядок навёл на дороге, и мы поехали дальше.

Когда в Цхинвал въехали, то сразу в нос ударил страшный трупный запах. Картина жуткая: животные расстрелянные кругом валяются. А это же август, жара… Этот запах

преследовал нас постоянно. Постепенно я к нему привык, а через день даже толком не воспринимал. Сопровождавшие меня военные предлагали сходить посмотреть: здесь двадцать-тридцать убитых солдат грузинских валяются, там… Идти было недалеко. Но никакого желания смотреть не было.

В Цхинвале есть красивая гора с парком. Деревья фруктовые там на склонах растут. Как раз на этой горе стояли два отряда армейского спецназа: одни – наверху, другие – чуть ниже. Недалеко был и штаб Группировки. Нам с Сашей выдали палатку красивую. Солдаты тоже жили в небольших четырёх-пятиместных палатках. К вечеру костры зажигают. Природа красивая… Со стороны это выглядело как лагерь из детских фильмов про индейцев.

Там я занимался своей повседневной работой: крещение, беседы… Разброс тем для бесед самый широкий – от мировых проблем до смысла жизни. Много вопросов собственно религиозных. Беда в том, что у многих бойцов не было возможности напрямую общаться со священником.

И вот ещё что очень важно: есть телевидение, есть газеты, а идеологической и информационной работы с нашими военнослужащими, как это когда-то происходило в советской армии, никто не проводил. Отсюда в головах у бойцов полный бардак. Например, в Чечне ко мне приходили солдаты и спрашивали: «Батюшка, а правда, что здесь мусульмане воюют с православными?». Или: «Здесь идёт столкно-

вение двух цивилизаций…». Спрашиваю: «А откуда вы это взяли?». И начинаем с ними разговаривать, объяснять… О ваххабитах, о неоязычниках тех же и о других деструктивных религиозных течениях, которые проплачиваются западными спецслужбами. А пользуются эти спецслужбы прежде всего незнанием нашей молодёжью основ своей собственной веры. Когда мусульмане своей веры не знают, то тут как раз открывается широкое поле деятельности для ваххабитов. А когда православные своей веры не знают, то расцветают всевозможные неоязыческие организации, всякие там «готы» и «эмо». А чем это всё заканчивается, мы знаем из СМИ… Люди кончают жизнь самоубийством, легко идут на убийства невинных людей или даже в прямом смысле едят друг друга.

Мне кажется, что отсутствие целенаправленной и качественной информационной работы среди солдат на войне, да и среди молодёжи вообще – это страшная мина замедленного действия!.. И она обязательно рванёт. Никакие программы такой модной сегодня толерантности не помогут. (Толерантность вообще в некоторых из толковых словарей трактуется как потеря организмом иммунитета, потеря им способности к сопротивлению. А нам его сознательно преподносят как терпимое отношение ко всему чужому.)

Хотя исправить ситуацию можно достаточно просто. Ведь логично: если ты православный – у тебя должна быть возможность в школе изучать основы православной культуры. Если ты мусульманин, то у тебя должна быть возможность

изучать основы мусульманской культуры. И тогда в результате человек будет не только знать свою веру, но уважать выбор и другого человека.

Удивительный факт: до недавнего времени в сегодняшней России в армии не было военного духовенства, хотя почти во всех армиях мира – от Канады до Южной Кореи – есть военные священники. И когда читаешь руководящие документы западных армий по этому вопросу, то становится ясно, что сегодня они только усиливают эту работу!

Давно известно, что великие дела может совершить человек, когда воюет за свои убеждения. А если воюет он за цели, которые находятся ниже пояса, – пожрать, поспать и, извините, посовокупляться, – то чем он отличается от свиней? Разве будет такой человек своей жизнью рисковать?

Когда-то мне довелось прочитать расшифровку текста переговоров наших профессиональных переговорщиков с боевиками в Дагестане. Бандитов блокировали, и переговорщик из какой-то местной силовой структуры стал уговаривать их сдаться. Говорит боевику: «Ну зачем тебе умирать? Смотри, какая жизнь хорошая! Можно вкусно есть, сладко спать, девушки какие красивые!..». То есть он вёл переговоры с общечеловеческой, либерально-демократической позиции – ешь, пей, гуляй, веселись… А молодой ваххабит отвечает ему: «А ты можешь мне дать ключи от рая? Если бы я не был готов умереть, я бы сюда не пришёл». И всё. Переговоры на этом закончились. У того переговорщика с позицией ниже пояса

не осталось никаких аргументов.

А аргументы можно было бы найти. Они есть. Но для этого переговорщик должен был веру свою знать и уметь на этом тонком уровне вести разговор. А либерально-демократическая установка, основанная на человеческих инстинктах, и воспитание, основанное на том же, всегда проигрывают в критических ситуациях. Ведь человек, взращённый на этих ложных ценностях, не будет рисковать жизнью, он не пойдёт до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.